

УДК 342

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(3).29-42

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНСТВА, СТАБИЛЬНОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

С.В. Иванов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 августа 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 октября 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

7 декабря 2018 г.

Приводится авторское видение системы конституционно-правовых гарантий единства, стабильности и согласованности российской правовой системы. Выявлены отдельные проблемы конституционно-правового обеспечения данных конституционных ценностей.

Ключевые слова

Правовая система, конституционно-правовые гарантии, конституционно-правовой пробел, конституционно-правовой дефект, единство, стабильность правовой системы

CONSTITUTIONAL LEGAL SUPPORT OF THE UNITY, STABILITY AND COHERENCE OF RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Svyatoslav V. Ivanov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 August 10

Accepted – 2018 October 20

Available online –

2018 December 07

The subject. The paper is devoted to the issues of the system of constitutional legal guarantees of unity, stability and consistency of the Russian legal system, the problems of their effective implementation.

The purpose of the paper is to reveal the actual problems of constitutional legal support of the unity, stability and coherence of the Russian legal system.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, comparative method, description) as well as particular academic methods (formal-legal method, interpretation of legal acts).

Results, scope of application. It is revealed that the constitutional legal support of unity, stability and consistency of the Russian legal system occurs by means of action of two types of special constitutional legal guarantees: conflict and competence ones. A number of problems of effective support of the unity, stability and consistency of the domestic legal system are identified. The problems include gaps and other defects of constitutional regulation, the lack of a legal mechanism to ensure the supremacy of the foundations of the constitutional system and others.

Conclusions. There is a number of amendments to the existing constitutional legislation proposed to solve the identified problems.

Keywords

Legal system, constitutional legal guarantees, constitutional legal gap, constitutional legal defect, unity, stability of legal system

1. Система конституционно-правовых гарантий единства, стабильности и согласованности отечественной правовой системы

Конституционно-правовое обеспечение единства, стабильности и согласованности российской правовой системы, по нашему мнению, происходит

посредством действия системы конституционно-правовых гарантий, среди которых следует выделять коллизионные и компетенционные.

Коллизионные гарантии занимают основное место среди конституционно-правовых гарантий единства, стабильности и согласованности россий-

ской правовой системы. Они устанавливают принципы иерархической организации системы действующих правовых норм. Эти гарантии установлены иерархическими коллизионными нормами конституционного права. В них не определены субъекты конкретных конституционно-правовых отношений, не закреплены меры конституционно-правового принуждения за нарушение иерархии действующих правовых норм, а лишь поименованы источники норм российского права и установлено соотношение этих источников в отечественной правовой системе. Среди коллизионных гарантий следует выделять:

1. *Конституционные*, установленные в Конституции РФ. В результате их действия складывается следующая иерархия норм права: наивысшей юридической силой и верховенством обладают нормы первой главы Конституции РФ, которой должны соответствовать прочие положения Конституции РФ (ч. 2 ст. 16). Последняя возглавляет иерархию источников норм права (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15), а следом по юридической силе идут положения международных договоров Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также Федеративный договор (ч. 4 ст. 15, абз. 4 п. 1 Раздела второго). Международным договорам Российской Федерации должны соответствовать федеральные конституционные законы, обладающие верховенством над федеральными законами (ч. 3 ст. 76). Последние обладают верховенством над законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации, за исключением тех из них, что приняты по вопросам исключительного ведения субъектов Российской Федерации (ч. 5, 6 ст. 76). Федеральные законы обладают верховенством и над правовыми актами Президента РФ (ч. 3 ст. 90), которые в иерархии правовых актов имеют приоритет над актами Правительства РФ (ч. 1 ст. 115).

2. *Законодательные*, которые установлены в федеральных конституционных законах и федеральных законах и конкретизируют конституционные коллизионные гарантии. Поскольку принятое на референдуме Российской Федерации решение не может быть изменено иначе как путем принятия на новом референдуме либо в порядке, указанном в са-

мом таком решении, оно обладает верховенством над всеми нормативными правовыми актами, кроме Конституции РФ (ч. 4 ст. 83 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»¹, далее – ФКЗ № 5). Акты высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в иерархии правовых актов находятся ниже федерального законодательства, нормативных актов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации (п. 22 ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»², далее – ФЗ № 184). Это лишь некоторые законодательные коллизионные гарантии.

Компетенционные гарантии очерчивают круг полномочий субъектов конституционно-правового обеспечения высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства. Все эти субъекты участвуют в обеспечении обозначенных объектов посредством, главным образом, применения мер конституционно-правового принуждения. Соответствующая деятельность компетентных органов государственной власти направлена на предотвращение и устранение нарушений иерархии действующих правовых норм. В связи с этим представляется целесообразным выделить два подвида компетенционных гарантий в зависимости от цели:

1) *предупреждающие компетенционные гарантии* (далее – предупреждающие гарантии) реализуются с целью предотвращения нарушения иерархии действующих правовых норм и препятствуют принятию и вступлению в законную силу актов и публично-правовых договоров, содержащих нормы, противоречащие вышестоящим нормативным предписаниям;

2) *восстанавливающие компетенционные гарантии* (далее – восстанавливающие гарантии) имеют целью устранение нарушения иерархии действующих юридических норм посредством приостановления действия, отмены, расторжения, признания утратившими силу нормативных правовых актов, противоречащих вышестоящим, а также некон-

¹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18 июня 2017 г.) «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.

² Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

ституционных и противозаконных нормативных договоров; юридического принуждения правоприменительных органов и должностных лиц к неприменению неконституционных и противозаконных норм. В зависимости от того, какой акт выступает источником иерархической коллизии, можно говорить о соответствующих компетенционных гарантиях.

Решения, принятые на референдуме Российской Федерации, умаляющие верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ. Среди предупреждающих гарантий в отношении данных актов законодатель предусмотрел предотвращение принятия неконституционного референдарного решения посредством мер конституционного контроля (ч. 1–2 ст. 23 ФКЗ № 5, п. 5.1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»³, далее – ФКЗ № 1). В литературе отмечается, что Центральная избирательная комиссия РФ (далее – ЦИК РФ) осуществляет предварительную проверку предлагаемых на референдум вопросов (ч. 13 ст. 15 ФКЗ № 5) [1, с. 30] – фактически на нее возложены функции по предупреждению нарушения верховенства федерального законодательства. Однако Конституционный Суд РФ в своем решении указал, что ЦИК РФ осуществляет лишь предварительную проверку, что не противоречит Конституции РФ⁴. Между тем ЦИК РФ не только проверяет, но также по результатам проверки принимает «соответствующее решение» [1, с. 30]. Восстанавливающей гарантией в данной сфере выступает лишь законодательно закрепленная возможность отмены или изменения соответствующего решения путем принятия нового федерального референдарного решения либо в порядке, предусмотренном самим решением (ч. 4 ст. 83 ФКЗ № 5).

Международные договоры РФ. Для предотвращения вступления в законную силу в отношении Российской Федерации противоречащих Конституции РФ международных договоров, действует ряд предупреждающих гарантий, среди которых есть конституционные и законодательные. Ратификация (как и денонсация) международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федераль-

ного закона, подлежащего обязательному рассмотрению в Совете Федерации, после чего Президент РФ подписывает ратификационную грамоту (п. «б», «в» ст. 86, п. «г» ст. 106 Конституции РФ). В ведении последнего находится также подписание международных договоров Российской Федерации. Обязательное участие обеих палат федерального парламента в ратификации международных договоров Российской Федерации способствует предотвращению выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее неконституционных международных договоров Российской Федерации. Никаких конституционных ограничений при подписании международных договоров РФ не установлено.

Приведенные конституционные положения были развиты в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации»⁵ (далее – ФЗ № 101). В нем установлен ряд законодательных предупреждающих гарантий в сфере международного правотворчества с участием России. Сформулирован открытый перечень форм выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международных договоров Российской Федерации и регламентирован порядок реализации этих форм (ст. 6, 11–22). Выражение такого согласия в определенных ФЗ № 101 случаях, когда предлагаемым международным договором Российской Федерации регулируются наиболее важные общественные отношения, осуществляется исключительно в форме федерального закона (ст. 14, п. 1 ст. 15, пп. «а» п. 1 ст. 20, пп. «а» п. 1 ст. 21, ст. 22 ФЗ № 101). Информационное обеспечение федерального парламента федеральными органами исполнительной власти (п. 1, 2 ст. 7) способствует его своевременному реагированию в случае обнаружения им противоречащих Конституции РФ норм не вступившего в силу международного договора. Предложение о заключении международного договора Российской Федерации, противоречащего нормам федерального законодательства, представляется главе государства или в Правительство РФ исключительно по согласованию с Министерством юстиции Российской Федерации, которое составляет соответствующее заключение (ст. 10).

³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона “О референдуме Российской Федерации” в

связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 14. Ст. 1741.

⁵ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

Важнейшей предупреждающей гарантией в сфере международного правотворчества выступает конституционный контроль (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Данное конституционное положение развито федеральным законодателем, установившим порядок рассмотрения дел о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации (ст. 88–91 ФКЗ № 1, ст. 34 ФЗ № 101). Такая проверка не является обязательным этапом международного правотворчества с участием Российской Федерации. Безусловно, действующий порядок рассмотрения Конституционным Судом РФ соответствующих дел применим лишь к международным договорам Российской Федерации, заключенным *ad referendum*, что нашло отражение в п. 1 ст. 89 ФКЗ № 1: соответствующий запрос допустим, если международный договор Российской Федерации подлежит ратификации Государственной Думой или утверждению иным федеральным органом государственной власти.

Среди восстанавливающих гарантий, призванных исправлять уже сложившуюся ситуацию противоречия международных договоров Российской Федерации ее Конституции, законодательством предусмотрены лишь приостановление действия международных договоров и прекращение их действия (ст. 35 ФЗ № 101). Согласно ФЗ № 101 обязательно рассмотрению в Совете Федерации подлежат все федеральные законы о прекращении или приостановлении действия международных договоров Российской Федерации (п. 3 ст. 37). Также в ФЗ № 101 расширены полномочия Президента РФ: он вправе приостановить действие любого международного договора, утвержденного федеральным законом в качестве обязательного. Фактическим основанием для этого является возникновение необходимости принятия безотлагательных мер, круг которых не определен законодателем (п. 4 ст. 37 ФЗ № 101). Государственная Дума вправе отклонить соответствующий проект федерального закона Президента РФ, и лишь после этого действие договора подлежит возобновлению.

Федеральное законодательство. Система конституционных предупреждающих гарантий в сфере федерального законотворчества открывается обязанностью рассмотрения в Совете Федерации проектов законов, регулирующих наиболее важные

общественные отношения (ст. 106, ч. 2 ст. 108 Конституции РФ). Законы Российской Федерации о поправках к Конституции РФ не могут вступить в силу без одобрения законодательных (представительных) органов государственной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации (ст. 136). Последние при выражении своего несогласия с вносимыми поправками могут исходить не только из собственных интересов, но и обнаруживая несоответствие поправок основам конституционного строя России, угрозу единству, стабильности и согласованности ее правовой системы. Верхняя палата федерального парламента вправе отклонить принятый Государственной Думой федеральный закон (ч. 4 ст. 105). Президент РФ, расценив принятый и одобренный федеральный закон как противоречащий вышестоящим нормам федерального законодательства и международных договоров Российской Федерации, может воспользоваться конституционным правом вето (ч. 3 ст. 107). Указанное свидетельствует о действии конституционного «фильтрационного» механизма, при котором Совет Федерации, Президент РФ, Правительство РФ и региональные парламенты предотвращают принятие и вступление в силу законов, противоречащих основам конституционного строя, вышестоящим актам и нормативным договорам, создающих угрозу единству, стабильности и согласованности отечественной правовой системы.

Законодательные предупреждающие гарантии в сфере федерального законотворчества закреплены в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации»⁶ (далее – ФКЗ № 2), Федеральном законе «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (далее – ФЗ № 33)⁷. Профильный комитет Государственной Думы возвращает инициатору проект закона о поправке к Конституции РФ в случае, если не соблюдены установленные законодателем условия и порядок внесения предложения о поправке к Конституции РФ (ч. 2 ст. 4 ФЗ № 33). Конституционная поправка не может быть принята в ускоренном порядке – Законом предусмотрено, что соответствующий законопроект рассматривается исключительно в трех чтениях (ч. 1 ст. 5 ФЗ № 33). Всё вышеуказанное служит барьером к внесению в Конституцию РФ положе-

⁶ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 51. Ст. 5712.

⁷ Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

ний, противоречащих основам конституционного строя, укреплению единства, стабильности и согласованности отечественной правовой системы. Принятое Советом Федерации постановление об установлении результатов рассмотрения законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации соответствующего закона может быть обжаловано в Верховный Суд РФ (ч. 4 ст. 11 ФЗ № 33). Таким образом, высший федеральный судебный орган общей юрисдикции участвует в предупреждении вступления в законную силу соответствующего закона, противоречащего процессуальным нормам федерального законодательства. Правительство РФ может направлять в палаты Федерального Собрания обязательные к оглашению или распространению на заседаниях официальные отзывы о рассматриваемых палатами федеральных законах и законопроектах с возможностью указания на противоречия вышестоящему законодательству (ч. 6 ст. 36 ФКЗ № 2).

Подзаконные предупреждающие гарантии в сфере федерального законотворчества относятся к числу процедурно-парламентских гарантий и сформулированы в регламентах палат Федерального Собрания. Так, законопроект подвергается правовой экспертизе на предмет соответствия актам федерального законодательства с составлением заключения (ч. 2, 3 ст. 112 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁸, далее – Регламент ГД). Данное заключение должно быть представлено ответственным комитетом Государственной Думы во всех чтениях, а его наличие является необходимым условием для принятия (одобрения) закона в ускоренном порядке, минуя второе и третье чтения. В Регламенте ГД детализированы конституционные нормы о праве президентского вето (п. «г» ч. 2 ст. 114, ч. 8 ст. 119, п. «е» ч. 1 ст. 122, п. «г» ч. 1 ст. 123.1, п. «в» ст. 124.1, п. «б» ч. 2 ст. 134 Регламента ГД).

⁸ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Феде-

В Конституции РФ сформулирован ряд конституционных восстанавливающих гарантий в данной области. Как установил Конституционный Суд РФ, палаты Федерального Собрания не вправе осуществлять аутентичное толкование актов федерального законодательства в своих постановлениях⁹. Следовательно, в случае обнаружения иерархических коллизий федеральный парламент устраняет их путем законотворчества. Важнейшей конституционной восстанавливающей гарантией в рассматриваемой сфере служит федеральный конституционный контроль (п. «а» ч. 2, ч. 6 ст. 125). Порядок рассмотрения дел о соответствии Конституции РФ нормативных актов и договоров между ними установлен в ФКЗ № 1 (гл. IX).

Меры федерального конституционного контроля, судебного контроля со стороны судов общей юрисдикции вкупе с мерами прокурорского надзора являются общими восстанавливающими компетенционными гарантиями соответствия норм регионального законодательства и подзаконных актов требованиям высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства. Суды общей юрисдикции рассматривают дела об оспаривании регионального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов (ст. 20, 21 КАС РФ¹⁰). Но и когда предметом судебного рассмотрения не является законность того или иного акта, суд, установив несоответствие акта органа публичной власти или должностного лица федеральному законодательству, международно-правовым нормам, законодательству субъекта Собрания Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу. При этом суды общей юрисдикции не уполномочены проверять конституционность актов (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О

рального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. № 682-II ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.

¹⁰ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 19 июля 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

судебной системе Российской Федерации»¹¹, ч. 2, 3 ст. 15, ч. 5 ст. 208 КАС РФ).

Дела об оспаривании нормативных правовых актов возбуждаются, главным образом, по инициативе прокуроров. Конституция РФ в вопросах определения основ прокурорского надзора ограничилась бланкетной нормой ч. 1 ст. 129. Эта конституционная норма конкретизирована в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации»¹². Обнаружив противоречащий законодательству правовой акт, прокурор или его заместитель приносит протест либо выступает инициатором процедуры судебного контроля (п. 1 ст. 23). Прокурорское реагирование в 1990-е гг. стало одним из решающих правовых средств приведения законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией РФ, пресечения суверенизации республик, устранения реальной угрозы единству, стабильности и согласованности отечественной правовой системы, единству и территориальной целостности России.

Федеральные подзаконные нормативные правовые акты. Большого массива предупредительных гарантий в отношении подзаконных актов не требуется — достаточно закрепить правовые механизмы скорого восстановления конституционной законности. Для предупреждения ситуации иерархической коллизии органы и должностные лица при нормотворчестве консультируются с советниками, правовыми управлениями и т. п. Помимо судебного контроля и прокурорского надзора федеральное законодательство установило ряд прочих восстанавливающих гарантий в данной сфере. Так, Совет Федерации уполномочен утверждать указы Президента РФ о введении чрезвычайного или военного положения (п. «б», «в» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ). Данная гарантия является восстанавливающей, так как к моменту утверждения соответствующий указ уже принят и действует, и оценивается не только обоснованность его принятия, но и его соответствие федераль-

ному законодательству, чем обеспечивается верховенство последнего. Любой акт Правительства РФ в случае противоречия федеральному законодательству и указам Президента РФ может быть отменен последним (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ). Генпрокурор РФ оповещает Президента РФ о фактах нарушения Правительством РФ верховенства федерального законодательства, высшей юридической силы Конституции РФ, чем повышается эффективность данной гарантии (п. 3 ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Правительство РФ, в свою очередь, вправе отменять акты любых федеральных органов исполнительной власти или приостанавливать действие этих актов (ч. 7 ст. 12 ФКЗ № 2).

Законодательство и подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации самостоятельно законодательно закрепляют предупредительные гарантии в сфере регионального правотворчества. Среди них встречается полномочие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации осуществлять предварительный контроль при внесении поправок в конституцию (устав) субъекта Российской Федерации¹³.

Восстанавливающей гарантией в сфере регионального правотворчества служит правомочие Президента РФ приостанавливать действие нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации до решения этого вопроса судом (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ). С соответствующими предложениями к главе государства могут обращаться Правительство РФ (ч. 4 ст. 44 ФКЗ № 2), полпреды Президента РФ в федеральных округах (п. 6 Указа Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»¹⁴).

Строго определенное место среди субъектов конституционно-правового обеспечения исследуе-

¹¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

¹² Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 11 октября 2018 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

¹³ Конституционный закон Республики Адыгея от 17 июня 1996 г. № 11 «О Конституционном Суде Республики Адыгея» // Ведомости ГС – Хасэ Республики Адыгея. 1996. № 6;

Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 г. 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» // Якутские ведомости. 2002. № 25.

¹⁴ Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (ред. от 19 июля 2017 г.) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.

мых конституционных ценностей, реализующих восстанавливающие гарантии в сфере регионального правотворчества, занимают конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Ученые отмечают, что за короткое время они окрепли и заставили говорить о себе как об эффективных независимых инструментах правовой политики. Известно, например, Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 5 февраля 2002 г., которым на фоне политических противоречий между центром и субъектом Российской Федерации констатируется: «Республика Башкортостан должна привести свою законодательную базу в соответствие с федеральным законодательством»¹⁵. Это решение свидетельствует, по словам А.В. Безрукова и А.А. Кондрашева, что эти суды «не тиражируют ошибки своих конституций (уставов), а следуют букве и духу Конституции РФ» [2, с. 31], что способствует укреплению единства, стабильности и согласованности отечественной правовой системы.

Муниципальные нормативные правовые акты. В сфере муниципального правотворчества среди восстанавливающих гарантий законодатель предусматривает меры прокурорского реагирования и судебного контроля; высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации может оспорить в суде муниципальный нормативный правовой акт, противоречащий вышестоящим нормативным актам (пп. «е» п. 2 ст. 21 ФЗ № 184).

2. Пробелы и иные дефекты конституционного регулирования.

Ввиду определяющего статуса Конституции РФ во всей отечественной правовой системе крайне важно, чтобы ее положения были полными и согласованными. Между тем в Конституции РФ достаточно много изъянов юридической техники и коллизий. Так, исходя из буквального толкования норм ст. 15 Конституции РФ, она обладает верховенством лишь в системе правовых актов (ч. 1); лишь нормативные правовые акты подлежат обязательному опубликованию, если они затрагивают права, свободы и обязанности индивида (ч. 3). При этом вступившие в силу международные договоры Российской Федерации

также публикуются официально (ст. 30 ФЗ № 101). Необходимо восполнить данный конституционный пробел. Требуется конкретизировать также понятие общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Очевидный конституционный пробел заложен в нормах ч. 1 и 2 ст. 76 Конституции РФ. Из буквального толкования части второй данной статьи следует, что федеральные подзаконные акты вообще не могут приниматься по вопросам совместного ведения, на что указывают в доктрине [3, с. 149]. Возникшая неопределенность при реализации данного положения стала основанием для направления в Конституционный Суд РФ запросов органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Суд отметил, что подзаконные акты не упоминаются и в части первой данной статьи и осуществил расширительное толкование обеих частей, поскольку в ином случае выходит, что Россия не может принимать даже индивидуальных правоприменительных актов в сфере собственного ведения¹⁶. Требуется расширение названных конституционных положений.

В Конституции РФ не хватает положений о форме законов о поправках к Конституции РФ, их юридической силе. Так, при буквальном толковании нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ можно прийти к парадоксальному выводу о верховенстве норм международного права над любыми законами, включая законы о поправках к Конституции РФ. Требуется также предусмотреть в Конституции РФ целиком процедуру их принятия, так как, исходя из положений действующего законодательства, акты, которыми вносятся поправки в Конституцию РФ, должны соответствовать процессуальным нормам, закрепленным в актах меньшей юридической силы.

В Конституции РФ не предусмотрено возможности изменить преамбулу и Раздел второй – тем самым законсервировано неоднозначное положение Федеративного договора в системе источников действующих норм права. Однако представляется, что Федеративный договор является в современных политико-правовых условиях атавизмом, его юридическая сила подлежит сведению к юридической силе

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 5 февраля 2002 г. № 18-П «По делу о конституционности части пятой статьи 37, части первой статьи 55, части первой статьи 56 Кодекса Республики Башкортостан о выборах в связи с жалобой гражданина Галиахметова Фазлиахмета Садретдиновича» // СПС «Гарант».

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 3. Ст. 429.

других договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. Отдельно следует отметить, что дефинитивная норма Раздела второго, определяющая понятие Федеративного договора, содержит формулировку о «суверенных республиках», что недопустимо (абз. 4 п. 1).

В Конституции РФ также имеется ряд конституционных коллизий. Так, И.А. Умнова отмечает, что закрепленный в Конституции РФ принцип равноправия субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 5) ею же самой опровергается (ч. 1, 2 ст. 66, ч. 2 ст. 68 и др.) [4, с. 27].

Установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации отнесено Конституцией РФ к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «и» ст. 72), но производится исключительно федеральным законом (ч. 3 ст. 75), что противоречит ч. 2 ст. 76 Конституции РФ. К этому следует добавить, что вопросы налогообложения и сборов можно рассматривать в качестве составной части финансового регулирования, которое конституционно отнесено к сфере исключительного ведения Российской Федерации (п. «ж» ст. 71). Коллизии такого рода порождаются чрезмерной пространностью формулировок, которая также порождает дефекты, поскольку дезавуирует конституционные положения. Это негативно влияет на уровень конституционной законности и правосознания, порождая конституционный нигилизм [5, с. 16].

Другой конституционной коллизией в сфере разграничения предметов ведения и полномочий является противоречие между положениями п. «в» ст. 71 и п. «б» ст. 72: защита прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств отнесены одновременно и к сфере собственного ведения Российской Федерации, и к сфере ее совместного ведения с субъектами Российской Федерации. Необходимо устранить указанные противоречия.

3. Проблема юридической силы норм первой главы Конституции РФ и обеспечения их верховенства в отечественной правовой системе

Следует признать, что конституционная норма о верховенстве положений первой главы Конституции РФ (ч. 2 ст. 16) фиктивна ввиду отсутствия механизма ее обеспечения. Соответствующий механизм нужно предусмотреть в самой Конституции РФ, при этом в качестве субъекта конституционно-правового обеспечения должен выступить Конституционный Суд РФ. И.А. Кравец полагает, что именно Конститу-

ционному Суду РФ надлежит рассматривать вопрос о соответствии вносимых в Конституцию РФ поправок основам конституционного строя [6, с. 6].

По нашему мнению, следует расширить полномочия федерального судебного органа конституционного контроля, с тем чтобы он проверял на предмет соответствия основам конституционного строя все законы о внесении поправок в Конституцию РФ. Для этого нужно внести изменения в Конституцию РФ с целью обязать Совет Федерации обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности не вступившего в законную силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ. Одновременно понадобится дополнить ФЗ № 33 ст. 6.1 «Проверка закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации на предмет его соответствия основам конституционного строя Российской Федерации». Подобная реформа потребует внесения изменений в ФЗ № 1. Указанные поправки нужно внести, с тем чтобы обязать Совет Федерации направить запрос о проверке конституционности закона Российской Федерации о внесении поправки в Конституцию РФ после принятия этого закона.

4. Проблема юридической силы некоторых конституционных положений

В соответствии с ч. 2 ст. 16 Конституции РФ никакие другие ее положения не могут противоречить неизменяемым (ст. 135 Конституции РФ) основам конституционного строя, при этом Конституция РФ обладает верховенством, высшей юридической силой и прямым действием (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15). Среди основ отечественного конституционного строя имеет место категорический конституционный запрет на лишение гражданина Российской Федерации гражданства по каким-либо основаниям (ч. 3 ст. 6 Конституции РФ). Сейчас в числе основных угроз государственной безопасности специалисты выделяют возвращение в Российскую Федерацию российских граждан, являющихся террористами, из регионов с повышенной террористической активностью [7, с. 50]. С сентября 2017 г. круг оснований для отмены решения о предоставлении гражданства расширен, по сути, фактом вступления в силу обвинительного приговора суда о совершении натурализующимся лицом хотя бы одного из предусмотренных законодателем преступлений. Таким образом, из буквального толкования данных законодательных нововведений не следует установление возможности лишения российского гражданства. Но «посту-

пает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл»¹⁷.

К попытке прямого введения института лишения гражданства, а также к сопутствующей этому законодательной политике следует отнестись с максимальной осторожностью ввиду чрезвычайной значимости института гражданства для полноценной реализации основных прав и свобод человека и гражданина.

5. Проблемы иерархии источников действующих в Российской Федерации норм.

Коллизионные гарантии точно рассеяны в действующем законодательстве, их система поражена пробелами. В частности, законодатель не определил четко вопрос о юридической силе постановлений палат Федерального Собрания РФ и их положении в системе нормативных правовых актов. Следует отметить, что отдельные положения регламентов палат федерального парламента вызывают вопросы об их юридической природе. Так, повторное отклонение проекта федерального закона о бюджете допускается только вместе с постановкой вопроса о недоверии Правительству РФ (ч. 12 ст. 120 Регламента ГД). Не является ли это ограничение конституционным по своей природе? Согласно Регламенту Совета Федерации¹⁸ отсутствие заключения Правительства РФ о законопроекте, предусматривающем покрываемые за счет федерального бюджета расходы, может служить основанием для отклонения палатой соответствующего законопроекта (ч. 4 ст. 103). Однако Конституция РФ не приемлет диспозитивного способа регулирования данных отношений: соответствующие законопроекты могут быть внесены только при наличии заключения Правительства РФ (ч. 3 ст. 104). Требуется законодательное регулирование по многим вопросам, включенным в предмет регулирования регламентами палат Федерального Собрания.

В науке отечественного конституционного права отмечено, что Конституция РФ ничего не говорит о соотношении региональных законов и федеральных подзаконных актов и не устанавливает правил разрешения противоречий между ними. По верному заме-

чанию С.В. Никитина, «данные нормативные акты находятся как бы в разных плоскостях нормативно-правового пространства, которые непосредственно друг с другом не пересекаются» [8, с. 49]. Представляется, что противоречивое положение регионального законодательства в иерархии источников действующих правовых норм и неоптимальное разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами имеют одну природу. Наличие института совместного ведения между Россией и ее субъектами не позволяет конституционно закрепить принцип верховенства федерального права, а не законодательства. Между тем действие этого принципа устранило бы серьезное противоречие в иерархии источников юридических норм.

Среди оснований для судебной отмены решения, принятого на референдуме субъекта Российской Федерации, предусмотрено его противоречие федеральному закону (п. 7 ст. 73 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁹). Но это не соответствует конституционному положению о примате регионального законодательства в пределах собственного ведения субъектов Российской Федерации (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ), поскольку референдарные решения субъектов Российской Федерации обладают верховенством над прочими их актами. Необходимо устранить данное противоречие.

Наконец, представляется оправданным принятие специального закона (скорее всего, уровня федерального конституционного закона), определяющего положение источников юридических норм в системе национального права.

6. Проблемы обеспечения верховенства федерального законодательства в контексте международного правотворчества

Примат международного права трудно согласуется с установлением порядка вступления в силу международных договоров Российской Федерации в федеральном законе (ст. 24 ФЗ № 101). При этом в Конституции РФ предусмотрено, что не соответству-

¹⁷ Дигесты Юстиниана: Избр. фрагм. в пер. и с примеч. И.С. Перетерского / отв. ред.: Е.А. Скрипилов. М.: Наука, 1984. С. 33.

¹⁸ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 3 июля 2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

ющие ей международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению (ч. 6 ст. 125). Вместе с тем не установлен конституционный механизм, направленный на неотвратимость рассмотрения не вступивших в силу международных договоров в Конституционном Суде РФ. Главной проблемой, считают исследователи, является воздержание уполномоченных субъектов от обращения в суд, в результате чего к 2013 г. была проверена конституционность лишь одного международного договора – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации [9, с. 24].

В федеральном законодательстве предусмотрен лишь один случай обязательного обращения в Конституционный Суд РФ после выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора (п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»). Между тем возможна ситуация, когда международный договор Российской Федерации содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ. В этом случае решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно исключительно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ или пересмотра ее положений в установленном порядке (ст. 22 ФЗ № 101). Однако нет никаких конституционных гарантий неотвратимости проверки конституционности как соответствующего закона РФ о внесении поправки в Конституцию РФ, так и международного договора Российской Федерации, введение которого в действие потребовало внесения этой конституционной поправки. Отметим, что, согласно Конституции Французской Республики, в случае установления неконституционности международного соглашения Конституционным советом ратификация или одобрение такого соглашения возможно только после пересмотра Конституции (ст. 54)²⁰. Отсутствие подобного положения в Конституции РФ оценивается в науке конституционного права как досадный конституционный пробел [9, с. 26].

7. Проблемы конституционно-правового статуса федеральных субъектов конституционно-правового обеспечения единства, стабильности и согласованности отечественной правовой системы

Представляется, что в России наблюдается несбалансированность полномочий отдельных субъектов такого обеспечения в пользу Президента РФ. Так, действие любого международного договора Российской Федерации, решение о согласии на обязательность которого принималось в форме федерального закона, может быть приостановлено Президентом РФ (п. 4 ст. 37 ФЗ № 101). При этом фактическим основанием для приостановления является возникновение случаев, «требующих принятия безотлагательных мер». Таким образом, Президент РФ посредством принятия специального Указа с одновременным внесением в Государственную Думу проекта соответствующего федерального закона способен преодолеть верховенство международных договоров над федеральным законодательством в системе нормативных правовых актов.

Не уравновешено никакими «противовесами» полномочие Президента РФ по отмене постановлений и распоряжений Правительства РФ (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ), что расценивается отдельными учеными как вторжение в юрисдикцию Конституционного Суда РФ [10, с. 46]. Представляется, что в этом случае Президенту РФ следовало бы приостанавливать действие неконституционных постановлений и распоряжений Правительства РФ до решения этого вопроса в Конституционном Суде РФ. По нашему мнению, с учетом этого надлежит изменить положения ч. 3 ст. 115 Конституции РФ. Полномочие главы государства приостанавливать действие нормативных актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, напротив, следовало бы расширить: среди оснований данной меры конституционно-правового принуждения не хватает противоречия этих актов указам Президента РФ и постановлениям Правительства РФ.

Значительными проблемамиотягощены конституционно-правовые статусы субъектов, для которых обеспечение высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства является основной деятельностью. Согласно информации Конституционного Суда РФ по состоянию на 2008 г. законодательно неисполнен-

²⁰ Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. С. 44.

ными оставались 27 позиций, отраженных в решениях Конституционного Суда. С тех пор в законодательство были введены важные новеллы – в частности, конституционно-правовая ответственность высших должностных лиц субъектов Российской Федерации за неисполнение ими решения Конституционного Суда РФ (п. 3.2 ст. 29.1 ФЗ № 184). В целом к настоящему времени механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ сформировался [11, с. 90]. Вместе с тем в Конституции РФ не предусмотрены меры конституционно-правового принуждения к органам и должностным лицам, не отменяющим акты, признанные неконституционными. Это связано с тем, что в ней вообще не предусмотрено такое юридическое последствие признания какого-либо акта или договора неконституционным, как его обязательная отмена уполномоченным лицом под угрозой применения мер конституционно-правового принуждения. В итоге одни органы государственной власти несут соответствующую ответственность в силу наличия в законодательстве юридических оснований, а другие имеют возможность безнаказанно саботировать решения Конституционного Суда РФ. Так происходило на протяжении десятилетия с исполнением Постановления Конституционного Суда РФ от 27 января 2004 г. № 1-П²¹, где была установлена необходимость принятия федерального конституционного закона, в котором закреплялись бы полномочия Верховного Суда РФ по рассмотрению дел об оспаривании нормативных правовых актов Правительства РФ, проверка которых не относится к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ № 3) был принят лишь в 2014 г.²² Представляется, что данный конституционный пробел должен быть устранен путем внесения в ст. 125 Конституции РФ дополнений о последствиях неисполнения решений Конституционного Суда РФ, которое подрывает авторитет

судебной власти, законность и правопорядок [12, с. 141], что угрожает государственному единству в аспекте единства отечественной системы права.

В компетенции Верховного Суда РФ, согласно действующему законодательству, нет правомочия рассматривать дела об оспаривании постановлений палат Федерального Собрания РФ (п. 1 ч. 4 ст. 2 ФКЗ № 3). Это очевидный правовой пробел, поскольку такие постановления имеют явно подзаконный характер.

Вызывает недоумение уровень конституционного регулирования основ правового статуса прокуратуры РФ. Федеральный законодатель оставил в новой редакции ст. 129 Конституции РФ лишь бланкетную норму, целиком отдающую соответствующие вопросы на откуп федеральному законодателю. Положения о прокуратуре РФ как единой централизованной системе были исключены из Конституции РФ. Между тем законодателю следует наполнить ст. 129 Конституции РФ содержанием. В ней должны быть перечислены такие принципы работы прокуратуры РФ, как централизация (категорически нельзя допустить «регионализации», децентрализации прокуратуры с переподчинением прокуроров органам государственной власти субъектов Российской Федерации); независимость при осуществлении своих полномочий от органов публичной власти и общественных объединений; надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов как исключительная функция прокуратуры РФ, несовместимая с возможностью подмены иных органов публичной власти.

Кроме того, в федеральном законодательстве отсутствует ряд важнейших полномочий Генпрокурора РФ. Так, ни в Конституции РФ, ни в законах не закреплено его правомочие обращаться в Конституционный Суд РФ на предмет проверки соответствия нормативных правовых актов Конституции РФ в порядке абстрактного нормоконтроля. Между тем оно было выявлено Конституционным Судом РФ²³. Пра-

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 2004 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 5. Ст. 403.

²² Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 30. Ст. 3101.

вомочие же Генпрокурора РФ обращаться в Конституционный Суд РФ по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан примененным или подлежащим применению законом, закреплено лишь в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», в то время как в ФКЗ № 1 (равно как и в Конституции РФ) вовсе не содержится упоминаний о Генпрокуроре РФ как субъекте обращения в федеральный орган конституционной юстиции. Полагаем, что обозначенные законодательные и конституционные пробелы необходимо устранить и наделить Генпрокурора РФ правом законодательной инициативы в федеральном парламенте, для чего потребуются внести изменения в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ. Отсутствие такого права у Генпрокурора РФ является конституционным пробелом, поскольку именно он обладает наиболее полной информацией о состоянии законности в стране, что позволило бы ему быстро и эффективно реагировать в случае выявления пробелов правового регулирования.

Наконец, на наш взгляд, требуется повысить конституционно-правовой статус прокуратуры РФ, что потребует внесения в ст. 129 Конституции РФ поправки о том, что полномочия, организация и порядок ее деятельности определяются федеральным конституционным законом.

8. Проблемы конституционно-правового статуса региональных субъектов конституционно-правового обеспечения высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства

Наиболее значительные проблемы в данной сфере связаны со статусом конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Они касаются реализации принципов единства судебной системы и независимости судей в ходе осуществления регионального конституционного контроля,

юридической силы решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ, а также отдельных пробелов правового регулирования в сфере регионального конституционного судопроизводства.

Представляется, что деятельность этих судов основывается на началах, находящихся в серьезном противоречии с конституционными принципами отечественного правосудия. Это является прямым следствием того, что органы конституционного контроля субъектов РФ, как отмечает С.Э. Несмеянова, изначально возникли как элемент проявления регионального сепаратизма [13, с. 16]. В частности, согласно ст. 124 Конституции РФ, финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. Это конституционное положение находится в прямом, явном противоречии с нормами ст. 3, ч. 2 ст. 27, ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», согласно которым финансирование региональных органов конституционного контроля, в отличие от всех прочих судов в России, производится исключительно за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации. Налицо явная, неприкрытая иерархическая конституционно-правовая коллизия, антиконституционная норма в акте уровня федерального конституционного закона, действующая уже 20 лет. Это лишь один из множества дефектов правового регулирования статуса конституционных (уставных) судов субъектов РФ, для исключения которых в науке конституционного права предлагаются решения от устранения отдельных конституционно-правовых коллизий и пробелов до отказа от института конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации [14, с. 105–108].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова А.А. Заметки о референдуме / А.А. Степанова // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 28–33.
2. Безруков А.В. Уставный суд как необходимый элемент государственно-правовой системы объединенного Красноярского края / А.В. Безруков, А.А. Кондрашев // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 5. – С. 28–33.
3. Гринченко К.А. Источники муниципального права Российской Федерации / К.А. Гринченко; под ред. С.Е. Чаннова. – М.: ДМК Пресс, 2015. – 208 с.
4. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Умнова. – М., 1997. – 47 с.
5. Антоненко В.М. Прямое действие конституции и «живая» конституция: сравнительный анализ концепций / В.М. Антоненко // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 8. – С. 15–18.

6. Кравец И.А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 4–7.
7. Керимов А.Д. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом / А.Д. Керимов, В.В. Красинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 49–56.
8. Никитин С.В. Основания судебного оспаривания нормативных правовых актов / С.В. Никитин // Российская юстиция. – 2009. – № 9. – С. 48–51.
9. Стародубцева И.А. Обеспечение согласованности международных договоров и законодательства Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы реализации / И.А. Стародубцева // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 24–26.
10. Шмелев А.Н. Нуллификация нормативного правового акта как межотраслевой правовой институт, обеспечивающий повышение стандарта правовой защиты / А.Н. Шмелев // Юридический мир. – 2016. – № 1. – С. 42–47.
11. Кокотов А.Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 90–101.
12. Станкин А.Н. Верховенство федерального закона в Российской Федерации: конституционные вопросы: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Станкин. – Саратов, 2007. – 228 с.
13. Несмеянова С.Э. Особенности конституционного (уставного) судебного процесса в субъектах Российской Федерации: моногр. / С.Э. Несмеянова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 158 с.
14. Иванов С.В. Место конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в механизме конституционно-правового обеспечения ее единства и территориальной целостности / С.В. Иванов // Право и политика. – 2017. – № 4. – С. 99–111. – DOI: 10.7256/2454-0706.2017.4.22478.

REFERENCES

1. Stepanova A.A. Notes on referendum. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 2, pp. 28–33. (In Russ.).
2. Bezrukov A.V., Kondrashev A.A. Charter court as a necessary element of the state legal system of the united Krasnoyarsk Krai. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Constitutional Justice Journal*, 2008, no. 5, pp. 28–33. (In Russ.).
3. Grinchenko K.A. *Sources of municipal law of the Russian Federation*. Moscow, DMK Press Publ., 2015. 208 p. (In Russ.).
4. Umnova I.A. *The constitutional foundations of the modern Russian federalism*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1997. 47 p. (In Russ.).
5. Antonenko V.M. Direct effect of the Constitution and the “living” Constitution: a comparative analysis of concepts. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 8, pp. 15–18. (In Russ.).
6. Kravets I.A. Two guarantors of the Constitution in Russian constitutionalism and conception of a strong state. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 1, pp. 4–7. (In Russ.).
7. Kerimov A.D., Krasinskiy V.V. On Neutralization of Threats to Safety, Related to Penetration, to the Territory of the Russian Federation, of Members of International Terroristic Organizations and Involvement of Russian Citizens in Terroristic Activity Abroad. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 6, pp. 49–56. (In Russ.).
8. Nikitin S.V. A court challenge to the normative legal acts. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2009, no. 9, pp. 48–51. (In Russ.).
9. Starodubtseva I.A. Ensuring coherence of international treaties and legislation of the Russian Federation: constitutional and legal problems of implementation. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2013, no. 10, pp. 24–26. (In Russ.).
10. Shmelyov A.N. Nullification of a Normative Legal Act as an Interbranch Law Institution providing the Legal Protection Standard Increase. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2016, no. 1, pp. 42–47. (In Russ.).

11. Kokotov A.N. Execution of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 5, pp. 90–101. (In Russ.).
12. Stankin A.N. *The supremacy of Federal law in the Russian Federation: constitutional issues*, Cand. Diss. Saratov, 2007. 228 p. (In Russ.).
13. Nesmeyanova S.E. *Features of the constitutional (charter) trial in the subjects of the Russian Federation*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 158 p. (In Russ.).
14. Ivanov S.V. The place of constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation in the mechanism of constitutional and legal support of its unity and territorial integrity. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2017, no. 4, pp. 99–111. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.4.22478. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Святослав Вячеславович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-код: 3849-1200; AuthorID: 915577

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svyatoslav V. Ivanov – PhD in Law, lecturer, Department of State and Municipal Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-code: 3849-1200; AuthorID: 915577

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванов С.В. Конституционно-правовое обеспечение единства, стабильности и согласованности российской правовой системы / С.В. Иванов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 29–42. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(3).29-42.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanov S.V. Constitutional legal support of the unity, stability and coherence of Russian legal system. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 29–42. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(3).29-42. (In Russ.).